

Наше оружие — слово
Наша весна. Проза. Том 2

Библиотека группы ВК Наше оружие — слово

Сергей Ходосевич

Наша весна. Проза. Том 2.
Библиотека группы ВК
Наше оружие – слово

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Наша весна. Проза. Том 2. Библиотека группы ВК Наше оружие – слово / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967858-4

Неприкаянный дух Гарлинского болота нежился на солнышке, вспоминая те счастливые дни, когда он был человеком. Ранней весной он со своим лучшим другом Мирдом забрели в эти гиблые места, преследуя дикого зверя. Охота могла быть очень удачной. Ведь стрела Мирда угодила в шею дикой лани. Ей некуда было деваться. Ибо с одной стороны ее в любую минуту могли прикончить мы, а с другой стороны на нашу беду ее стерегла черная пантера. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967858-4

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

От редактора	6
Наша память	7
Валеев Марат	8
Сибиряк	9
Снайпер Сурков	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наша весна. Проза. Том 2
Библиотека группы ВК
Наше оружие – слово

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4496-7858-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-5788-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

Второй том весенней прозы включает в себя труды шести различных авторов. Тематика произведений в сборнике настолько различна, что мы разбили произведения на разделы, в которых вы легко сориентируетесь.

большая часть-это юмор и мистические истории, но в мае мы не могли не упомянуть и о Великой Победе, которой посвящен раздел Память, что представлен рассказами Марата Валеева

Наше оружие-слово

Наша память

Валеев Марат

Сибиряк

– Слушай, а давай напишем Колю, а?

Алексей Иванович Кокоулин глядел на меня с хитроватым прищуром. После того, как я написал о нем очерк в нашей газете как о фронтовике, мы подружились, и этот геройский старикан иногда заходил в редакцию «Эвенкийской жизни». Когда просто потрепаться, когда пожаловаться на проблемы.

Впрочем, серьезная проблема у него была одна: жилье. Вернее, отсутствие оно. Ветеран Великой Отечественной жил один в развалюхе, бывшей до войны... конюшней, и переделанной под жилой дом. Лачуга эта была холодной, ее все время надо было топить, чтобы не замерзнуть.

Привозную воду надо было своевременно перетаскивать из уличной бочки в домашнюю, прозеваешь – и на сорока-пятидесятиградусном морозе она за считанные минуты промерзнет до дна, а потом выколачивай ее.

Был Кокоулин помоложе – сам со всем справлялся, не роптал. Ну а когда перевалило за семьдесят, стал просить у местных властей предоставить ему благоустроенное жилье. Ну а что, имел право!

Да вот только чиновники все кормили его обещаниями. Или предлагали жилье вроде получше, поближе к центру столицы Эвенкии, но все с той же ненасытной печкой и с железной бочкой для привозной воды во дворе.

И я писал в газете о проблеме ветерана. Но ушли те времена, когда на газетные публикации местные власти обязаны были реагировать и принимать по ним конкретные меры. Их просто игнорировали. Или пренебрежительно отмахивались. Да и недолюбливали местные власти Кокоулина. Дед был откровенным хулиганом.

Семьи у него не было (с женой давно уже развелся, а единственный сын жил в Красноярске и напрочь забыл об отце), и Кокоулин нередко устраивал дома загулы – с бабами, с драками, со стрельбой. Как-то ранил из ружья непрошеного гостя. Да и в него стреляли, чудом уцелел.

А когда Алексей Иванович шел в очередной раз в мэрию по поводу своего жилья, там все от него просто прятались. Потому что бывший фронтовик в гневе и выражений не подбирал, и за грудки мог схватить и потрясти.

В общем, многим Кокоулин не нравился. Но мне он импонировал своей живостью и непосредственностью. Да и не уважать его за боевое прошлое было просто нельзя. Воевал Алексей Иванович, как истинный сибиряк, бесстрашно, с выдумкой.

В действующую армию он был призван в сентябре 1942 года из деревеньки Абакумовка Иланского района, в Канске прошел подготовку и в октябре попал на Калининский фронт рядовым стрелком.

Под Великими Луками в конце 1942 года разгорелась ожесточенная битва между силами 3-й Ударной армии, 3-й Воздушной армии и вражеской группы армий «Центр», вошедшая в историю Великой Отечественной войны как Великолукская операция.

– Ты понимаешь, раз семь или восемь брали мы этот город и снова отдавали немцам. Вот как сшиблись. Мясорубка была страшная – от некоторых наших полков, веришь ли, к концу сражения за Великие Луки оставались считанные бойцы, – рассказывал мне Алексей Иванович Кокоулин на диктофон.

Во время очередной атаки на оцетинившиеся плотным огнем немецкие позиции что-то ударило Кокоулина в переносицу. Лицо его, глаза мгновенно оказались залиты кровью. Ничего не видя перед собой, боец беспомощно остановился, начал протирать глаза. А наступающая рота ушла вперед. Кокоулин вынужден был, поминутно спотыкаясь, почти на ощупь доби-

раться до санбата. Здесь женщина-военврач извлекла из его переносицы маленький осколочек, промыла и зашила рану.

– Все, боец, можешь идти в строй. Считай, что тебе повезло, ведь мог и глаза лишиться, – сказала она. Тот подхватил винтовку и назад, к своим. А от его второй роты, как, впрочем, практически и от всего полка, ничего почти не осталось – все были выбиты в той атаке. Наверняка и для Кокоулина здесь все и навсегда бы закончилось, если бы не то ранение.

Затем было переформирование, и Кокоулин угодил в расчет противотанкового 76-миллиметрового орудия ЗИС-3, наводчиком, для чего прошел специальное ускоренное двухнедельное обучение.

В составе той же 3-й Ударной армии Калининского фронта принял участие в Невельской операции. И здесь бои велись не менее тяжелые, чем под Великими Луками. Атаки наших войск сменялись контратаками гитлеровцев, в воздухе сшибались самолеты, на земле – танки и пехота, вела затяжные дуэли артиллерия. Люди и с той, и с нашей стороны гибли тысячами, дымно чадя, горела подбитая техника.

Отбивая одну из контратак немцев, расчет Кокоулина расстрелял по живой силе и подбирающимся все ближе немецким танкам все снаряды, а в это время зашедшие с левого фланга стальные чудовища стали гусеницами вытаптывать расположение батареи, поливать фактически обезоруженных (что сделаешь с винтовкой против танка?) и разбегающихся артиллеристов пулеметным огнем.

Одну свирепо рычащую машину Кокоулин сумел подорвать противотанковой гранатой. А дальше видит: все, хана! В живых на батарее осталось только трое. Ни от насевших танков отбиться нечем, ни к своим ходу нет, отрезаны. Артиллеристы пробрались в блиндаж командира батареи (сам комбат был уже убит к тому времени), притаились там – авось пронесет. И тут же раздался лязг гусениц, гул работающего мотора, затрещали бревна наката, и под тяжестью танка крыша блиндажа просела и накрыла находившихся внутри бойцов.

– Дальше я уже ничего не помнил, потерял сознание, – рассказывал Алексей Иванович. – Потом немцев погнали назад, и кто-то из пехотинцев услышал стоны из заваленного блиндажа. Нас раскопали, один из троих был уже мертвый. Я очнулся потому, что врач санбата стал выковыривать у меня изо рта, носа землю. С контузией, сильно помятый, я был направлен в Наро-Фоминский госпиталь...

Молодой здоровый сибиряк быстро шел на поправку. Настолько быстро, что, сдружившись с однопалатником Колей (только имя его и осталось в памяти), однажды рванул в самоволку в город.

– Слушай, а об этом можно рассказывать? – с сомнением покосился Алексей Иванович на диктофон. – Может, ты его выключишь.

– Да ничего страшного, Алексей Иванович, – говорю ему. – Рассказывайте и об этом. – Ведь воевали-то не роботы, а люди, с присущим им всем человеческим. Тем более что в молодости вы были, как я понимаю, человеком очень живым, озороватым

– Так оно и есть, – не без гордости подтвердил Алексей Иванович. – Ну, тогда слушай...

В городе они, оказывается, купили на пару бутылку денатурата, уговорили ее на пару же и окосели. В таком виде их и задержал патруль – «пожилые дядьки с винтовками», как выразился Кокоулин.

А ребятам хмель ударил в голову: какое имеют право эти тыловые крысы задерживать истинных фронтовиков? Ну и умудрились отнять у патрульных винтовки, да еще и наkostenять им. На шум сбежалось подкрепление, Кокоулина с тем самым Николаем все же скрутили и пока водворили обратно в госпиталь.

Наутро ими занялись начальник госпиталя полковник и майор из контрразведки. Провинившимся солдатам засветил трибунал. А у Коли того, он уже давно обитал в госпитале,

была подружка санитарка Катя. Она раздобыла два комплекта обмундирования, и бойцы, так и не долечившись, удрали из госпиталя.

Кокоулин в мешанине продвигающихся на запад войск сумел таки найти свою часть. А в ней – новые люди, новое командование, орудия – и те другие, более совершенные. Алексей пошел к командиру батареи, тоже новому, доложил, что вот, вернулся из госпиталя. Правда, без сопроводительных документов. Зато досрочно.

– А меня – на кухню, хозрабочим, так сказать. Дескать, долечивайся пока здесь. А там посмотрим, на что ты годен, – сердито пыхтя, делится теми давними, но по-прежнему волнующими его кровь воспоминаниями Кокоулин.

Ну и что ж, пришлось ему чистить картошку, заготавливать дрова. И как ни унижительно это было делать понюхавшему порох бойцу, но делал. Кому-то и этим надо было заниматься. Но вскоре судьба его сделала крутой поворот, как это не раз уже случалось с Кокоулиным на фронте.

На кухню заглянул командир дивизионной разведки, состав которой во время последней неудачной вылазки за линию фронта был почти весь выбит. Разведку нужно было пополнять, делали это, как правило, за счет обычных бойцов, на, так сказать, добровольно-принудительной основе.

На войне все ходят на грани между жизнью и смертью, а разведчики – особенно. Поэтому, набирая людей в разведку, все же спрашивали их согласия. Доброволец знает, на что идет, а насильно зачисленный в ответственный момент может и подвести товарищей.

Начальник разведки с удовольствием оглядел плотную, коренастую фигуру Кокоулина, отметив про себя, что этот парень явно не робкого десятка, и спросил:

– Ну что, сибиряк, пойдешь ко мне в разведку? Знаю, знаю, что ты сибиряк, что воюешь ладно. Нам такие нужны...

– Так меня же, вот, на кухню наладили, – обиженно ответил Кокоулин. – Сказали, чтобы поправлялся здесь.

– У нас поправишься. Главное для меня знать: согласен ты пойти в разведчики или нет?

– Конечно, согласен, товарищ майор! – Кокоулин пнул ведро с картофельными очистками. – Сколько можно с этим воевать?

Так в 1944 году, в начале Витебско-Оршанской операции, Алексей попал в разведку. И уже вскоре смог проявить себя здесь как бесстрашный, находчивый лазутчик. При освобождении Борисова он в составе головного дозора, в котором было шесть разведчиков, в одной небольшой деревушке обнаружил поджидавшую наши наступающие войска засаду.

Сам Кокоулин так рассказывает об этом:

– Вошли мы в деревушку, все вроде тихо. Можно давать сигнал, чтобы и часть втягивалась. Но тут мне навстречу, откуда ни возьмись, выходит мужик непонятно во что одетый: наполовину в военном, наполовину в штатском. Приветствует нас, завязывает разговор на чистейшем русском. Но что меня насторожило: чисто выбрит, и одеколоном от него пахнет. Это откуда же в деревне такой франт? И замечаю за плетнями, за домами какое-то движение. Все ясно: перед нами переодетый немец или кто он там, заговаривает зубы, чтобы разведку или снять без шума, или взять живьем...

Ничего из этой затеи у немцев не получилось: разведчики подняли такой татарам, что и чертям, наверное, тошно стало. Отбиваясь от наседавших гитлеровцев, Кокоулин расстрелял все рожки из своего автомата, потом выхватил пистолет...

Разведгруппу отбила слышавшая перестрелку передовая рота наших войск. Засады у немцев не получилось, они были смяты и выброшены из деревеньки. Потери у красноармейцев, конечно, в этом бою были. Но если бы часть попала в засаду, их было бы намного больше.

Основную ярость гитлеровцев на себя приняли разведчики, четверо из них погибли в той неравной схватке, в живых осталось двое – Алексей Кокоулин и его земляк, тоже из Иланского района, Алексей Лусик.

Их пожелал увидеть лично командир дивизии – генерал-майор, Герой Советского Союза Г. И. Карижский. Разведчики выглядели неважно – оборванные, окровавленные (у Кокоулина был сильно распорот на одной руке то ли штыком, то ли ножом большой палец, кисть второй руки была разбита рукояткой парабеллума, которой разведчика пытался достать по голове немецкий офицер), но перед генералом они держались браво.

– Молодцы, гвардейцы! – сказал им генерал. – Правильно, воевать надо не числом, а умением! Спасибо, что обнаружили засаду! Всех представляю к наградам.

За ту разведку Кокоулин получил орден Отечественной войны. А сколько таких вылазок было еще впереди! Разведчик принимал участие в освобождении Белоруссии, воевал в Восточной Пруссии, и совершил еще немало, не побоимся этого слова, подвигов.

Не все они были отмечены высокими правительственными наградами, да это и немудрено: ведь у разведки, что ни вылазка, то подвиг, никаких орденов и медалей не напа-сешься. А вот благодарностей от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, красочных, отпечатанных типографским способом, не жалели. У Кокоулина их было великое множество, но до встречи со мной он сумел сохранить только пять, которые решил передать в окружной краеведческий музей: «За прорыв обороны и вторжение в Восточную Пруссию» от 23 октября 1944 года, «За взятие города Инстенбурга» от 22 октября 1945 года, «За разгром Восточно-Прусской группировки юго-западнее Кенигсберга» от 29 марта 1945 года, «За взятие Кенигсберга» от 9 апреля 1945 года, «За овладение городом и крепостью Пиллау» от 25 апреля 1945 года.

Есть у Кокоулина и ряд медалей за освобождение наших городов и взятие городов уже на германской территории. Но самая ценная для него, конечно – это медаль «За отвагу», которой его наградили за уничтожение пулеметной точки. А множество иных боевых эпизодов, в которых также приходилось рисковать жизнью и проявлять мужество и героизм, так и остались ничем не отмеченными эпизодами.

Как, например, пленение разведгруппой в той же Восточной Пруссии упри взятии Кенигсберга восьми немецких офицеров и 78 солдат, обслуживающих гигантские стационарные орудия, нацеленные из монолитного железобетонного форта на мост через реку Преголь, по которому должны были пойти наши войска.

– Нам какая-то бабка указала на этот форт, – вспоминает Кокоулин. – Русская, угнанная немцами сюда из Воронежа в числе многих наших людей, использовавшихся как рабы. «Там, – говорит, – ребята, пушки большущие. Смотрите, как бы не покрошили ваших».

Разведчики перебрались через реку, и видят: точно, торчат из встроеного в крутой берег форта жерла орудий. Нашли и вход в него, прикрытый стальной дверью-воротами, за которыми скрывались рельсы узкоколейки, по которой, видимо, подвозили снаряды. Вокруг – ни души. Попытались открыть дверь – не поддается. Постучали в нее прикладами. Никто не отзывается. Но внутри все равно кто-то должен быть, иначе бы вход в форт был открыт.

И тогда разведчики связали вместе пять противотанковых гранат, несколько гранат от фауст-патронов, снабдили этот адский «винегрет» четырьмя детонаторами, подложили под стальную дверь и зажгли бикфордов шнур. Громыкнул такой силы взрыв, что, казалось бы, даже прусская река Преголь должна была выйти из берегов. Но когда рассеялись дым и пыль, оказалось, что дверь осталась на месте, лишь закопчена и ободрана осколками – вот как ладили немцы свои оборонительные сооружения.

Пока разведчики размышляли, чем бы еще шандарахнуть по этой чертовой двери, она вдруг тяжело, медленно приоткрылась и из нее высунулась палка с белой тряпкой на конце. «Рус, не стреляй, сдаемся», – закричали из форта. Вот тогда-то и высыпала из железобетонного

укрытия эта без малого сотня фрицев, не пожелавшая дальше испытывать свой судьбы, ведь война-то заканчивалась и дальнейшее сопротивление было просто бессмысленно.

Конец войны застал Алексея Кокоулина в Пруссии. Но служба его продолжалась еще долго. Вернее, это было продолжение войны: из опытных фронтовиков, наподобие Кокоулина, прошедших огонь, воду и медные трубы, формировались специальные подразделения, которые уничтожали в лесах Прибалтики, а затем и Западной Украины банды националистов. Демобилизовался Алексей Иванович только в 1951 году, в звании старшины.

Вернулся он в родную Сибирь. Работал на строительстве Усть-Илимской ГЭС, потом перебрался в Эвенкию, где много лет проработал механизатором в геологических экспедициях – Борской, в «Шпате». Выйдя на пенсию, продолжал трудиться в качестве хозрабочего в окружной прокуратуре. Конечно, как ветеран войны пользовался уважением, его с другими фронтовиками приглашали на тожественные мероприятия, обычно в День победы. Но одно дело – чествовать заслуженного участника боевых сражений на словах, и совсем другое – на деле. Многие годы он добивался у местных властей предоставления ему сносного жилья. А его все отфутболивали – «Ну не хватает жилья в поселке, – объясняли ветерану. – Подождите еще немного...»

И вот Алексей Иванович сидит в редакции, смотрит на меня с надеждой, и снова повторяет:

– Ну так что, напишем Колю?

– Какому Коле написать надо? – не сразу понял я Кокоулина. – Кто он такой, этот Коля?

– Да не Коля, а Коль, – досадливо поморщился Алексей Иванович. – Который главный сейчас в Германии.

– Это который Гельмут Коль? – поразился я. – Канцлер? Что мы ему напишем? И зачем?

– Ну, напишем, что я, советский солдат, приглашаю к себе в гости кого-нибудь из ихних ветеранов, – простодушно сказал Кокоулин. – Пусть приезжают, посмотрят, как наши ветераны живут.

Снайпер Сурков

«Русский снайпер – это что-то ужасное. От него не скроешься нигде! В траншеях нельзя поднять голову. Малейшая неосторожность – и сразу получишь пулю между глаз...»

«Снайперы часто часами лежат на одном месте в засаде и берут на мушку всякого, кто покажется. Только в темноте можно чувствовать себя в безопасности», – так писали своим родным в Германию немецкие солдаты.

И это оказалось чистой правдой. Итоги Великой Отечественной войны показали, что самыми подготовленными и результативными на всех фронтах оказались снайперы Красной Армии. Что было закономерным, поскольку Советский Союз, как никакая другая страна в мире (вероятно, в предчувствии грядущей войны) обучение подрастающего поколения стрелковому делу поставила буквально на поток.

Свидетельством тому было, например, широчайшее движение, проводимое в качестве предпризывной подготовки под названием «Ворошиловский стрелок».

И когда грянула Великая Отечественная война, первые же ее дни показали, что наши снайперы – лучше немецких, результативнее. А лучшими среди советских стрелков по праву считались сибиряки, среди которых было много охотников.

Одним из таких мастеров своего дела оказался уроженец Красноярского края Михаил Сурков. Он родился в 1921 году в посёлке Большая Салырь нынешнего Ачинского района, рос и воспитывался в семье потомственных охотников. В Красной армии – с 1941 года. Служил в 1-м батальоне 39-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии, которая до 1 августа 1942 года входила в состав 12-й армии Южного фронта.

Его умение передвигаться бесшумно, стрелять белке в глаз, чтобы не попортить шкурку – все эти качества как нельзя лучше подходили для воинской специальности «снайпер». Им Михаил и стал. Так, как он «промышлял» врага, удавалось мало кому. И к началу 1942 года на счету Суркова было уже более 220 убитых гитлеровских солдат и офицеров.

Порой этот отважный воин-сибиряк совершал немислимые вещи. Так, он остановил продвижение двух немецких танков, убив механиков-водителей прицельными выстрелами в глаз через смотровые люки. Он с группой снайперов заставил залечь целый наступающий вражеский полк! И, наконец, Михаил Сурков, участвуя в атаке своего подразделения, одним из первых ворвался в немецкий окоп и кинжалом (!) уничтожил троих противников.

Когда счет убитых им врагов достиг в 1944 году 700, на очередную охоту со снайпером отправилась специальная бригада фронтовых кинооператоров. И Михаил Сурков довел число уничтоженных им врагов «на камеру» до 702. Это практически два батальона! После чего командование перевело отважного сибиряка на должность снайпера-инструктора, и он стал делиться своим боевым опытом с молодыми стрелками (нередко, опять же, с выходом на передовую).

Михаилу Ильичу Суркову удалось дожить до счастливого дня Победы. Правда, мирной жизни отмерено ему было совсем немного – умер бывший воин в 1953 году у себя на родине, в Красноярском крае, прожив всего 32 года. Он ведь был неоднократно ранен, контужен, а кто подсчитал причиненный его организму вред от перенесенных стрессов?

Михаил Сурков, со своими официально зарегистрированными 702 убитыми врагами (а неофициально ему приписывают даже свыше 1000!) на сегодняшний день считается самым результативным снайпером СССР, а возможно, и в мире. По крайней мере, результаты лучших вражеских снайперов таковы: немец Маттиас Хетценауэр – 345 подтверждённых убитых, Йозеф Аллербергер – 257, у воевавшего за немцев литовца Бруно Суткуса – 209 убитых. Прославился также и финн Симо Хяюхя, которому приписывают 504 убитых красноармейца, но из которых лишь 219 удалось подтвердить документально.

Ну и, к теме разговора, еще несколько показателей, теперь уже других наших прослав-
ленных стрелков-снайперов:

Василий Шалвович Квачантирадзе -534 убитых врага;

Ахат Абдулхакович Ахметьянов —

Иван Михайлович Сидоренко – 500 чел., 1 танк, 3 тягача;

Николай Яковлевич Ильич —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.